6. *Лотман, Л.М.* Ф.И. Тютчев / Л.М. Лотман // История русской литературы: в 4 т. – Л., 1982. – Т. 3. – С. 415.

7. *Нечаенко, Д.А.* Художественная природа литературных сновидений (Русская проза XIX в.): автореф. дис. … канд. филол. наук / Д.А. Нечаенко. – М., 1991.

8. *Поспелов, Г.Н.* Лирика. Среди литературных родов / Г.Н. Поспелов. – М., 1976.

9. *Симчич, О.* А.А. Фет и Дж. Томази ди Лампедуза: Смерть, ночь и звезды… / О. Симчич // А.А. Фет. Поэт и мыслитель: Сб. науч. тр. – М., 1999. – С. 148.

10. *Фет, А.А.* Мои воспоминания: в 2 т. / А.А. Фет. – М., 1890. – Т. 2. – С. 193–194.

11. *Чанышев, А.А.* Учение А.Шопенгауэра о мире, человеке и основе морали / А.А. Чанышев // Шопенгауэр А. Собрание сочинений: в 6 т. – М., 1999. – Т. 1. – С. 461.

12. *Шеншина, В.А.* А.А. Фет как метафизический поэт / В.А. Шеншина // А.А. Фет. Поэт и мыслитель: к 175-летию со дня рождения А.А. Фета: Сб. науч. тр. – М., 1999. – С. 29.

УДК 81. 373

О.В. Ломакина

ИНОЯЗЫЧНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПАРЕМИОЛОГИЯ В ТЕКСТАХ Л.Н. ТОЛСТОГО: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО КОДА

Публикация выполнена в рамках III Международной научной конференции «Взаимодействие языков и культур» 24 – 27 апреля 2014 г.

В статье анализируются случаи употребления иноязычной фразеологии и паремиологии (иноязычных вкраплений) в текстах Л.Н. Толстого разных стилей и жанров. Особое внимание уделено способам введения иноязычных единиц в контекст, что демонстрирует особенности авторской экспликации.

Язык Л.Н. Толстого, иноязычные вкрапления, переключение языкового кода.

The article analyses the foreign phraseology usage (the foreign inclusions) in Leo Tolstoy texts of different styles and genres. The means of foreign units' introduction in the context which demonstrate the peculiarity of the author's explication are regarded.

L. Tolstoy language, foreign inclusion, switching of language code.

С XIX в. иноязычные вкрапления (ИВ) стали одной из стилистических черт русской художественной литературы, что Ю.Т. Листрова-Правда объясняет появлением двуязычия и называет фактором демократизации русского языка, начатой А.С. Пушкиным [8].

Как известно, термин *иноязычное вкрапление* введен А.А. Леонтьевым, который понимал под ним «сосуществование» двух текстов, где реализуются различные модели – «развертки» и «свертывания» текста по определенным правилам [7, с. 60]. Типология ИВ, предложенная А.А. Леонтьевым, опирается на понимание языка как системы, поэтому находит отражение на всех его уровнях.

Изучение ИВ, их лексикографирование в отечественной лингвистике имеет богатую традицию, однако не отличается однозначностью, в т.ч. терминологического аппарата. На это указывает З.Л. Новоженова, говоря о понимании термина ИВ в статье «Иноязычные вкрапления как дискурсивное явление: русское слово в чужом тексте» [12]: от широкого понимания (А.А. Леонтьев) до узкого (Л.П. Крысин, Ю.Т. Листрова-Правда) [5], [8]. Чаще исследователи (Н.В. Габдреева, Э.А. Китанина, Л.П. Крысин и др.) [3], [4], [5] бо́льшее внимание уделяют словам, работы же, посвященные ИВ фразеологического и паремиологического характера единичны (А.М. Бабкин, Ю.Т. Листрова-Правда) [1], [8]. Кроме того, существуют различные термины для обозначения языка-источника заимствования, как и языка, в который приходит заимствование (заимствующий, язык-заимствователь).

Под влиянием контактной лингвистики в широкий научный оборот введено понятие кодового переключения (resp. переключение языковых кодов), куда относят высказывания, содержащие иноязычные единицы, употребленные внутри предложения (внутрифразовые) или в качестве отдельных предложений (межфразовые) [подробнее см.: 13]. Переключение кодов характерно для языковой личности, владеющей одним или несколькими иностранными языками или пользующейся его отдельными элементами (преимущественно – лексикой и фразеологией). Вполне справедливым кажется наблюдение Л.П. Крысина о том, что «употребление иноязычных вкраплений обусловлено степенью знакомства говорящего с иностранным языком, некоторыми стилистическими или жанровыми особенностями речи» [5, с. 47].

В лингвистике ИВ проводятся с различных позиций, что объясняет наличие многочисленных классификаций. А.М. Бабкин выделил 2 типа иноязыч-

ных выражений в зависимости от ассимиляции в языке-заимстователе:

1) переводные (калькированные);

2) нетранслитерированные (употребляющиеся без перевода и в иноязычном написании) [1].

В связи с развитием прагмалингвистики интерес исследователей вызывают средства порождения дискурса. Дискурсивное изучение ИВ предполагает анализ соотношения контактирующих языков, что может опираться на классификацию Ю.Т. Листровой-Правды:

«1. Полное иноязычное вкрапление – отрезок текста на иностранном языке, включенный в текст без каких-либо изменений.

2. Частичное иноязычное вкрапление – слово, словосочетание, предложение или даже отрывок иностранного текста, которые частично (фонетически или морфологически) ассимилированы в языке или включены в синтаксические отношения с членами русского предложения.

3. Контаминированное, или русско-иноязычное, вкрапление, представляющее собой русское слово, словосочетание или предложение, употребленное по законам другого языка (или с нарушением закона русского языка).

4. Нулевое вкрапление, представляющее собой обычный русский переводной текст или отрывок такого текста, включенного в оригинальную русскую речь» [8, с. 119–120].

Характеристика языковой личности писателя предполагает не просто представление количественного и качественного состава фразеологического корпуса, но и выделение текстовых доминант – рекуррентных, «тезаурусообразующих» (Ю.Н. Караулов) языковых единиц, составляющих авторскую картину мира, к которым могут относиться и ИВ.

Текст Л.Н. Толстого насыщен кодовыми переключениями. Высокий уровень владения иностранными языками, хорошее знание афористики, фразеологии и паремиологии латинского, французского, английского, немецкого и других языков позволяли писателю использовать многочисленные ИВ в текстах различных стилей и жанров, органично вплетая в контекст, употребляя их в транслитерированном, так и в нетранслитерированном виде.

По нашим наблюдениям, фразеологический корпус языка Л.Н. Толстого включает ряд ИВ-фразеологических единиц (далее – ФЕ), заимствованных из различных языков: *volens nolens* (лат. «волей – неволей»), *vanitas vanitatus* (лат. «суета сует»), *carte blanche* (фр. «свобода действий»), *une question de vie et de mort* (фр. «вопрос жизни и смерти»), *all right* (англ. «все хорошо»), *es versteht von selbst* (нем. «само собой разумеется») и др. В количественном отношении преобладают ИВ-ФЕ французского языка, использованные в нетранслитерированном виде, что свидетельствуют о безупречном владении писателя французским языком и принятыми в то время языковыми нормами. Так, употребление многозначного ИВ-ФЕ в разных контекстах, где реализуются разные значения, говорят о знании фонда ИВ:

Я только что ожил, а вы ***de gaieté de coeur****, без всякого основания, разрушаете это здание моего блага только потому, что вам это кажется слишком хорошо* (Письмо В.Г. Черткову 12–15 апреля 1885 г.).

Ср.: «1. *De gaieté de coeur*, франц. 1. Без всякой причины; ни с того, ни с сего» [2, 1, с. 342].

И не могу же я ***de gaieté de coeur*** *себя мучить* (Письмо С.А. Толстой 1 декабря 1898 г.).

Ср.: «2. С легким сердцем. Страдая так, ты страдаешь не одна, а и я тоже» [2, 1, с. 342].

ИВ-ФЕ использованы писателем без перевода, потому что фонд ИВ знаком адресату писем, и органично входит в текст, вступая в грамматические отношения с членами предложения, что позволяет говорить о внутрифразовых кодовых переключениях. Приведем примеры контекстуального употребления ИВ-ФЕ в эпистолярии:

Тогда я всеми силами старался удерживаться от слабости, которая так и лезла на меня, а теперь от тихой ненависти, которую в весьма сильной степени пробудило во мне чтение письма вашего к тетеньке, и не тихой ненависти, а грусти и разочаровань в том, что ***chassez le naturel par la porte, il revient par la fenêtre***. (Письмо В.В. Арсеньевой 23 августа 1856 г.)

Ср.: *Chassez le naturel par la porte, il revient par la fenêtre*, франц. Гони природу в дверь – она влетит в окно [2, 1, с. 248].

Я сказал ему, что слышал, как он кашлял утром, но не вошел из-за ***fausse honte***. (Письмо С.Н. Толстому 24 октября 1860 г.)

Ср.: *Fausse honte*, франц. Ложный стыд [2, 2, с. 248].

Иногда Л.Н. Толстой включает ИВ-ФЕ в контекст в качестве отдельного предложения, обычно это ИВ-устойчивые фразы – пример межфразового кодового переключения:

Я нынче вечером хочу почитать им места из вашей книги. ***Habent sua fata libelli****. Как моим писаниям приписывается совсем неподобающее им значение, так ваши книги проходят совершенно неизвестными среди людей, которым они, казалось бы, так крайне нужны*. (Письмо Ф.А. Страхову 16 августа 1910 г.)

Ср.: *Habent sua fata libelli*, лат. «Имеют свою судьбу книги. I. 1) Употр. в знач.: трудно не только предсказать успех или неуспех книги у читателей, но даже и потом понять причину успеха или неуспеха той или иной книги» [2, 2, с. 579].

Кроме эпистолярных текстов, Л.Н. Толстой использует иноязычные фразеологизмы и паремии в произведениях художественной литературы. Интересен пример, где налицо идейная связь художественного произведения с этимологией используемого ИВ-ФЕ:

Я ... считал себя спасителем Европы, благодетелем человечества, исключительным совершенством, ***un heureux hasard****, как я сказал это m-me Staël* («Посмертные записки старца Федора Кузмича», I).

Ср.: *Je ne suis qu'un heureux hasard*, франц. Я только счастливая случайность [2, 2, с. 695].

По данным «Словаря …» А.М. Бабкина и В.В. Шендецова фраза *Je ne suis qu'un heureux hasard* приписывается русскому царю Александру I (1777–1825). В основу повести «Посмертные записки Федора Кузмича» положена широко бытовавшая легенда о том, что император Александр I не скончался в Таганроге от неизвестной болезни, как утверждали официальные источники, а принял старчество и долго еще жил под видом обыкновенного крестьянина, называя себя Федором Кузмичом [6, с. 25]. Это позволяет говорить о концептуальном способе экспликации коммуникативного намерения писателя [подробнее см.: 9].

В языке Л.Н. Толстого многочисленны примеры, где ИВ-ФЕ вложены в уста героев художественных произведений. Включение подобных единиц А.Г. Ломов объяснял «тенденцией демократизации русского литературного языка», необходимостью «конкретно представить ту или иную историческую действительность, показать уровень человека, его увлечения и род занятий, <…> аристократическую среду» [10, с. 94]. Билингвальность героев «влечет за собой переключения с одного языка (кода) на другой, как и в живом общении» [11, с. 3]. Например:

— А ты кого встречаешь? — спросил он. — Я? я хорошенькую женщину, — сказал Облонский. — Вот как!

*— **Honny soitqui mal a pense**! Сестру Анну* («Анна Каренина, I, 17).

Ср.: *Honny soit qui mal a pense*, франц. «Да будет стыдно тому, кто об этом дурно подумает. Употр. как оговорка в знач.: 1) Сказанного не следует понимать в дурном смысле» [2, 2, с. 605].

В некоторых случаях наблюдается экспликация – расширение компонентного состава ФЕ-ИВ путем включения определения:

*— Да и скотины-то нету, так какой навоз будет? Это странный **cercle vicieux**, — подумал Нехлюдов, но решительно не мог придумать, что посоветовать мужику* («Утро помещика», V).

Ср. *Circulus vitiosus*, лат. «Порочный круг. 2. Заколдованный круг. Употр. для характеристики крайне затруднительного, «безвыходного» положения» [2, 1, с. 260].

В языке Л.Н. Толстого ФЕ французского происхождения *comme il faut* является одной из «тезаурообразующих» единиц, частотность – 39 употреблений в художественных текстах: в рассказе «Разжалованный (Из кавказских воспоминаний)» (1856) – 1, в повестях «Отрочество» (1854) – 2, «Юность» (1857) – 27, «Исповедь» (1882) – 1 , «Смерть Ивана Ильича» (1886) – 1, в романах «Война и мир» (1867–1869) – 2, «Анна Каренина» (1878) – 2, «Воскресение» (1899) – 3. Кроме того, писатель использует транслитерированный вариант фразеологизма – аглютинацию: *comme il faut → комильфотный → комильфотность*.

Приведем примеры контекстуального употребления этого галлицизма, представляющие собой внутрифразовые кодовые переключения:

*Людей **comme il faut** я уважал и считал достойными иметь со мной равные отношения; вторых – притворялся, что презираю, но в сущности ненавидел их, питая к ним какое-то оскорбленное чувство личности; третьи для меня не существовали – я их презирал совершенно. Мое **comme il faut** состояло, первое и главное, в отличном французском языке и особенно в выговоре. Человек, дурно выговаривавший по-французски, тотчас же возбуждал во мне чувство ненависти* («Юность», гл. XXXI).

*Кроме того, для Володи и меня Дубков имел двоякую прелесть – воинственной наружности и, главное, возраста, с которым молодые люди почему-то имеют привычку смешивать понятие порядочности (**comme il faut**) очень высоко ценимую в эти года. Впрочем, Дубков и в самом деле был тем, что называют "un homme **comme il faut**". Одно, что было мне неприятно, – это то, что Володя как будто стыдился иногда перед ним за мои самые невинные поступки, а всего более за мою молодость* («Отрочество», гл. XXV).

Интересен пример, в котором писатель употребляет ФЕ в нетранслитерированном виде, добавляя лишь русский аффикс и окончание, и прибегает к семантизации единицы в тексте, что представляет собой смешанный тип использования ИВ:

*Судебным следователем Иван Ильич был таким же **comme il faut'ным**, приличным, умеющим отделять служебные обязанности от частной жизни и внушающим общее уважение, каким он был чиновником особых поручений* («Смерть Ивана Ильича», гл. 2).

Как показывают приведенные примеры, в языке Л.Н. Толстого преобладают ИВ французского происхождения, которые по-разному введены в контекст (как внутрифразовое и как межфразовое переключение кода), имеют место примеры со смешанным типом транслитерированных / нетранслитерированных ИВ. Писатель не приводит перевода выражения, почти никогда не представляет «авторской самодефиниции», в редких случаях проводит семантизацию единицы в тексте. Все это позволяет сделать вывод о том, что адресату писем или читателю художественного произведения, по мнению автора, знакомо использованное ИВ и не требует специального комментария. Частность употребления ФЕ *comme il faut* дает основание говорить о концептообразующей функции ФЕ в языке Л.Н. Толстого и об их функционировании в качестве смысловой доминанты. Контекст позволяет уловить все «обертоны смысла» (Б.А. Ларин), увидеть специфику функционирования фразеологических средств в дискурсивной практике определенного автора, а не в языковой системе в целом. И хотя использование определенной единицы может быть ограничено рамками конкретного текста, иногда возможно расширение этих границ (например, особенности употребления фразеологизма

comme il faut и его производных в контексте творчества Л.Н. Толстого).

Литература

1. *Бабкин, А.М.* Русская фразеология, ее развитие и источники / А.М. Бабкин. – Л., 1970.

2. *Бабкин, А.М.* Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода / А.М. Бабкин, В.В. Шендецов. – СПб., 1994.

3. *Габдреева, Н.В.* История французской лексики в русских разновременных переводах / Н.В. Габдреева. – М., 2011.

4. *Китанина, Э.А.* Прагматика иноязычного слова в русском языке / Э.А. Китанина. – Ростов н/Д., 2005. – С. 112 – 118.

5. *Крысин, Л.П.* Иноязычные слова в современном русском языке / Л.П. Крысин. – М., 1968.

6. *Левитская, Н.А.* Изучение поздних произведений Л.Н. Толстого на уроках литературы (материалы к уроку по повести «Посмертные записки Федора Кузмича») / Н.А. Левитская, О.В. Ломакина // Русская словесность. – 2007. – № 1. – С. 25–27.

7. *Леонтьев, А.А*. Иноязычные вкрапления в русскую речь / А.А. Леонтьев // Вопросы культуры речи. – М., 1966. – С. 60–68.

8. *Листрова-Правда, Ю.Т.* Иноязычные вкрапления-библеизмы в русской литературной речи XIX–XX вв. / Ю.Т. Листрова-Правда // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. 1. – 2001. – № 1. – С. 119–139.

9. *Ломакина, О.В.* Паремии в контексте: способы экспликации коммуникативного намерения (на материале текстологии Л.Н. Толстого) / О.В. Ломакина // Вестник Новгородского государственного университета. Сер.: Филологические науки. – 2014. – № 77. – С. 177–180.

10. *Ломов, А.Г.* Фразеология пьес А.Н. Островского / А.Г. Ломов. – Самарканд, 1995.

11. *Мишинцева, И.Ю.* Переключения кодов в художественных произведениях PDF: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.Ю. Мишинцева. – Ярославль, 2011.

12. *Новоженова, З.Л.* Иноязычные вкрапления как дискурсивное явление: русское слово в чужом тексте / З.Л. Новоженова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2012. – Вып. 8. – С. 37–42.

13. *Чиршева, Г.Н.* Межъязыковые инновации в речи американских русских детей / Г.Н. Чиршева // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2012. – № 3. – С. 50–54.

УДК 81

А.Е. Новиков

О.И. СЕНКОВСКИЙ КАК ПЕРЕВОДЧИК ГОМЕРА (О ЕГО КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕВОДА «ОДИССЕИ» ГОМЕРА)

В статье рассматривается предложенная О.И. Сенковским концепция перевода «Одиссеи» Гомера, основанная на представлении о ее простонародно-фольклорном характере.

О.И. Сенковский, «Одиссея» Гомера, концепция перевода, простонародный характер.

The article considers O.I. Senkovskiy’s conception of translation “Odyssey” by Homer based on representation of its demotic and folklore character.

O.I. Senkovskiy, “Odyssey” by Homer, conception of translation, demotic character.

Для русской литературы (по замечанию одного из исследователей) «в течение долгого времени античные памятники играли формирующую роль нормы и образца» [10, с. 21]. Однако отношение к самим «образцам» в отечественной литературно-художественной традиции было далеко не однозначным. Так, наряду с царившим в первой половине XIX в. своеобразным культом античности (см.: [10, с. 21–28]) имело место и стремление к более трезвому, критическому рассмотрению наследия Эллады. «Человекообразное представление божества, грубая вещественность в служении, отсутствие почти всякого нравственного начала в сказках мифических, торжество силы и красоты телесной и, наконец, почти совершенная бесчувственность поэтов к идее правды и добра – вот характер поэзии эллинской» [20, с. 139], – писал, например, в сороковые годы XIX в. известный поэт и мыслитель славянофильского направления А.С. Хомяков. Кроме того, в это время имели место и попытки шутливо-иронического, пародийно-травестийного осмысления явлений античной культуры… Они были связаны, в частности, с журнально-литературными трудами О.И. Сенковского – редактора популярного в 30–40-е гг. XIX столетия журнала «Библиотека для чтения» и литератора, выступавшего обычно под псевдонимом «Барон Брамбеус».

О.И. Сенковский (1800–1858) – известный ученый-востоковед, внесший немаловажный вклад в становление отечественной ориенталистики. В то же время, получив основательное историко-филологическое и естественнонаучное образование в Виленском университете и усовершенствовав свои навыки владения восточными языками во время путешествия в Сирию и Египет, Осип Иванович – помимо Востока – проявлял интерес и ко многим другим